

Когда Галине Александровне Харлашиной сообщили, что её мужа сбила машина и он находится в больнице, женщина испытала шок. Что с ним, в каком он состоянии, жив ли вообще — все-таки человеку 79 лет? Галина Александровна метнулась в городскую больницу имени Семашко, куда был доставлен муж. На словах ей передали, что случилось сотрясение головного мозга. А в справке, выданной приемно-диагностическим отделением больницы, значился диагноз ушиб мягких тканей правого плеча. Рентген костей черепа в двух проекциях и плечевого сустава показал, что "костных повреждений нет, рекомендовано амбулаторное лечение в травматологическом кабинете поликлиники". Но Галина Александровна была напугана происшедшим (ведь у мужа болела не только голова, но и нога и плечо) и настояла на том, чтобы супруга госпитализировали. Как показывают дальнейшие события, в этом была роковая ошибка.



ОПЕРАЦИЯ

Но ведь мы обращаемся за помощью к врачам, чтобы спасти жизнь, вылечиться или хотя бы облегчить страдания. Мы всецело доверяем их знаниям и опыту.

Но за две недели, проведенные в нейрохирургическом отделении, состояние Виктора Максимовича Харлашина хоть и стало улучшаться, но совсем незначительно.

Галина Александровна решила обратиться в областную клиническую больницу с просьбой сделать мужу снимок головы с помощью компьютерной томографии. Врачи пошли навстречу. Но когда женщина пришла в больницу за мужем, выяснилось, что его срочно перевели в неврологию. На ее удивленное "почему" заведующий нейрохирургией ответил, что была создана комиссия, которая приняла решение перевести больного в неврологическое отделение. И на этот раз Галина Александровна доверилась врачам.

"Насторожило меня лишь то, что мужа продолжает вести" заведующий нейрохирургией, хотя его перевели в неврологию, но тогда было не до этого", — вспоминает Галина Александровна.

Свободных мест в неврологии не оказалось, и мужчину положили в коридоре..., предварительно привязав его ремнями к кровати.

— На мой недоуменный вопрос врачи дали странное объяснение: мол, он все время пытается куда-то уйти, а у нас окна открыты, — рассказывает Галина Александровна. — До сих пор муж стоит у меня перед глазами: туго привязанный к постели, беспомощный, измученный постоянными лекарствами и уколами, от которых затормаживалось сознание и хотелось только спать.

До конца дней буду корить себя за то, что тогда не бросилась к нему на помощь, а послушно осталась у дверей отделения.

Но ведь я верила нашим врачам. Надеялась на их профессиональную помощь. А они вдруг стали убеждать меня, что необхо-

дима срочная операция. Заведующий нейрохирургией говорил, что с мужем в любой момент может случиться кома, поэтому без операции не обойтись, и что после операции мужу хуже не будет. На обдумывание нам дали всего пять минут.

Врачи получили согласие от родных Харлашина. А как, скажите, еще можно было реагировать на подобные замечания врачей: "Нужна операция! Срочно! Иначе — кома..."

— Это была еще одна наша ошибка, — вздыхает Галина Александровна. — Да, муж очень плохо себя чувствовал: болели и го-

лово, и нога, и плечо. Но все-таки до операции он был в состоянии ходить на своих ногах, он даже играл в шахматы, не путал имена родственников, а вот потом, после операции...

Операция серьезно ухудшила состояние Виктора Максимовича Харлашина. Он впал в кому и пробыл в реанимации две недели. Как вспоминает его жена, "он вставал, оправлялся под се-

— Я получила существо совершенно бессознательное, просто живого мертвеца, требующего постоянного ухода, — рассказывает Галина Александровна. — Неужели врач, имеющий большой опыт работы, не мог предвидеть, что мой муж, находясь в таком возрасте, может не выдержать всей тяжести и риска операции.

лово, и нога, и плечо. Но все-таки до операции он был в состоянии ходить на своих ногах, он даже играл в шахматы, не путал имена родственников, а вот потом, после операции...

Но Галине Александровне не в чем себя винить, ведь ей дали понять, что речь идет не только о здоровье, но и о жизни близкого человека. Как тут не прислушаешься к медикам?

Однако у меня, человека постороннего, сразу возникает сомнение: откуда появилась столь срочная необходимость "лезть" в черепную коробку человека, который плохо, но все-таки ходит, ест, пользуется туалетом. А ведь еще накануне его хотели перевести на амбулаторное лечение. Да и в справке, выданной в приемном отделении, упоминается всего лишь ушиб плеча. А если бы Галина Александровна не настояла на компьютерном обследовании? Не появилась бы по-

бля, никого не узнавал и ничего не мог сказать".

— Я получила существо совершенно бессознательное, просто живого мертвеца, требующего постоянного ухода, — рассказывает Галина Александровна. — Неужели врач, заведующий нейрохирургическим отделением, имеющий большой опыт работы, не мог предвидеть, что мой муж, находясь в таком возрасте, может не выдержать всей тяжести и риска операции.

Но это еще не все проблемы. После выписки из реанимации у мужа не сгибались ноги в коленях и на ногах были раны, растертые до костей от тех самых ремней, которыми его привязывали к кровати.

Я потребовала травматолога. Пришел врач и объяснил, что ноги в коленях деформировались, потому что две недели мой муж лежал с согнутыми ногами и был крепко привязан ремнями. Те-

перь требуется продолжительное лечение. А посмотрев на раны, врач сказал, что не надо их бинтовать, а надо смазывать мазью, чтобы заживали, хотя заживление будет долгим.

По-моему, подобные распоряжения должен давать врач медсестре для исполнения. Я уже не говорю о том, что и раны должны были заметить врачи. Уверена, что они видели и скрюченные ноги, и незаживающие раны... Похоже, мы привыкаем к тому, что все у нас перевернуто с ног на голову.

Это подтверждает и странный отказ подписать несчастной женщине доверенность на получение пенсии мужа.

— Заместитель главного врача больницы ответила, что не знает, а хочет ли мой муж дать разрешение на получение своей пенсии, — говорит Галина Александровна. — А как человек может ответить, если он в коме? Так ведь и не подписала доверенность.

После того как Харлашина привезла мужа из больницы домой, она решила провести собственное расследование. Женщина взяла компьютерные снимки головного мозга и пошла по врачам, которые не имели никакого отношения к случившемуся и ничего не знали о данной ситуации.

— Я приходила вроде как проконсультироваться с единственным вопросом: рекомендована ли операция, — вспоминает Галина Александровна. — Меня внимательно выслушивали, рассматривали снимки, задавали вопросы. И все трое — независимо друг от друга — говорили, что ни-

какой экстренности в операции не видят. Мало того, возможно лечение с положительным результатом. Конечно, если теперь задать вопрос тем врачам, вряд ли у них хватит смелости подтвердить свое мнение. Слишком сильна корпоративность среди медиков.

Сегодня состояние Харлашина остается прежним и ужасным: он лежит, ни на что не реагирует, ничего не говорит, никого не узнает, обслуживать себя, понятно, не в состоянии. "Пришли бы ко мне домой да полюбовались бы на свою работу. Нет, никто из врачей даже не поинтересовался, живет ли человек после их операции и как живет", — плачет Галина Александровна.

Медико-социальная экспертная комиссия подтвердила первую группу инвалидности.

Управление здравоохранения города Орла, куда мы обратились за разъяснениями, ответило, что для рассмотрения случившегося была создана комиссия. Она пришла к заключению, что "...по данным медицинских документов, обследование, лечение, диагностическое наблюдение В.М. Харлашина во время пребывания на стационарном лечении проводились в соответствии со стандартами оказания медицинской помощи".

Если стандарты предусматривают превращение нормального человека, худо-бедно обслуживающего себя, в слабоумного (а именно такой диагноз поставил психиатр из областного психиатрического диспансера), то тогда это весьма странные стандарты. Скорее, это похоже на стандартную отписку в таких случаях.

Впрочем, никакие объяснения здоровье человеку не вернут. А несчастная женщина повторяет теперь как заклинание: "Зачем я послушалась этого врача. Виктор хотя бы ходил, с родными общался, а теперь он как растение. Зачем мы согласились на операцию? Никогда себе этого не прощу..."

Ирина ПОЧИТАЛИНА.